

Пути образования общего регионального лексического фонда на европейском Севере России

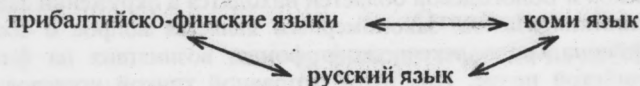
Вопрос об образовании общих региональных фондов в лексике разносистемных языков неоднократно подвергался исследованию различными учеными (см., например: Цивьян 1990 о балканском языковом союзе; Дмитриева 1981 об общем тюркско-угорском лексическом фонде и др.). При этом сложность проблемы состоит не столько в выявлении корпуса лексем, являющихся общими для языков данной территории, сколько в определении источников возникновения этих слов и путей их проникновения в отдельные языки.

Исследование лексики языков европейского Севера России (вепского, карельского, коми, ненецкого, саамского и севернорусских диалектов) также позволяет говорить о существовании массива слов, общего для лексических систем перечисленных языков. Поскольку в древности, до русской колонизации, территорию русского Севера населяли финно-угорские племена, а в современном состоянии говоры Архангельской и Вологодской областей находятся в окружении финно-угро-самодийских языков, закономерным является вопрос о составляющих регионального лексического фонда, возникших на финно-угро-самодийской почве. При этом отправной точкой исследования могут являться лексические заимствования из языков соседних народов в говорах русского Севера, которые в настоящий момент достаточно хорошо исследованы.

Обнаруживаемые словарные параллели показывают, что в целом языки европейского Севера России имеют достаточно тесные связи. Отдельные лексемы получили широкое распространение и фиксируются практически во всех языках данной территории. Например, вепс. *karbaz*, карел. *karvas*, саам. *garbes*, *kārbiš*, сев.-рус. *ка́рбас*, коми *карбас*, ненец. *карбас*, *харбас* 'большая лодка' ненец. *hōti*, *hūti*, коми *keti*, *koti*, *kot*, сев.-рус. *коты́*, карел. *kotti*, вепс. *kotad* 'вид обуви, сапоги' (КЭСК; Фасмер; SKES; здесь и далее русские лексемы даются по картотеке Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета, а финно-угорские данные по соответствующим словарям финно-угорских языков; в скобках сокращенно указываются этимологические источники, в которых содержится сопоставление данных лексем). Несмотря на наличие подобных параллелей, региональный лексический фонд не является целостным. По степени связанности отдельных языков он распадается на несколько микрофондов: коми-ненецко-русский; коми-прибалтийско-финско-русский; возможны и более крупные объединения, например, коми-ненецко-русско-саамский. Наиболее массивным и разнообразным по составу является корпус лексики, общей для

севернорусских диалектов и коми языка, с одной стороны, и прибалтийско-финских языков, с другой (см., например, работы Я.Калима по прибалтийско-финским заимствованиям в русском языке и по коми-русским языковым контактам: Kalima 1911; 1919; 1927). Этот лексический конгломерат во многих случаях оказывается базовой структурой для общего лексического фонда региона в целом, и потому заслуживает особого внимания.

Пути образования общего коми-прибалтийско-финско-русского лексического микрофонда (в дальнейшем – ОЛМФ) выявляются с трудом, что обуславливается как древностью взаимодействия языков, так и сложностью миграционных и этнических процессов, происходивших на русском Севере. Среди множества этимологических линий центральным для данного ОЛМФ является последовательное заимствование лексических единиц. В этом случае языком-источником для единиц ОЛМФ мог стать любой из взаимодействующих языков: как коми, так и вепсский и карельский (языковые факты, возникшие на базе русского языка, в данной статье не рассматриваются, поскольку заслуживают самостоятельной интерпретации). Возможные пути перехода слов из одного языка в другой в этой ситуации достаточно легко просчитываются и в целом исчерпываются следующей схемой:

Однако в действительности картина оказывается менее определенной и прозрачной, поскольку далеко не все прогнозируемые модели исторически реализовались, а те, которые имели место, носили более сложный характер. Кроме того, нужно также иметь в виду возможность заимствований внутри прибалтийско-финской языковой группы.

Как показывает исследуемый материал, источником лексики ОЛМФ в большинстве случаев являются прибалтийско-финские языки, откуда слово заимствуется в севернорусские диалекты и язык коми, при этом, как правило, русский выступает в качестве языка-посредника между прибалтийско-финским источником и коми языком. Данный путь миграции (*приб.-фин.* > *сев.-рус.* > *коми*) прошел целый ряд лексем:

1. карел. *hong*, *hongu*, вепс. *hong* 'сосна' > сев.-рус. *хонга*, *конга*, *конда* 'то же' > коми *конда*, *конда* 'смолистая сухостойная сосна' (КЭСК; Фасмер; SKES);
2. карел. *kives*, вепс. *kivez* 'грузило' > сев.-рус. *кибас* (под влиянием *кубас* 'поплавок невода' < карел.-люд. *kuba* 'поплавок' – Фасмер) > коми *кибас*, *тибас* 'то же' (КЭСК);

3. карел. *kumpši* 'вид рыбы' > сев. рус. *кумжа* 'то же' (Фасмер; SKES) > коми *кунджа, хумжа, хунжа* 'кумжа'; родственное карельскому фин. *kumsi* дает также саам. *koms* (SKES);
4. вепс. *lohi, loh'*, карел. *lohi* 'лосось' > сев.-рус. *лох* 'отнерестившаяся сёмга' (Фасмер) > коми *лок, локовина, лёковина* 'лох';
5. карел. *romši* 'длинная жердь, с помощью которой лодку поднимают вверх по течению' > сев.-рус. *ромшина* 'поперечная жердь на плоту' (Востриков 1981, 18) > коми *ромшина, ромжина* 'то же';
6. карел. *šaglat*, карел.-олон. *šaglu, šaglat*, карел.-люд. *šagl, šagle* 'жабры рыбы' > сев.-рус. *шаглы* 'то же' (Фасмер; SKES) > коми *шаг-ля, шаглем* 'то же';
7. вепс. *upak* 'сапог', карел. *upakko* 'вид обуви' > сев.-рус. *у́паки* 'то же' > коми *упаки* 'валенки, большая обувь' (SKES); и т.д.

В ряде случаев аналог русской и заимствованной из русского ко-ми лексем отсутствует (либо пока не зафиксирован) в современных вепсском и карельском языках и обнаруживается лишь в других языках прибалтийско-финской группы. Следовательно, на данный момент мы имеем дело с разрушающимся ОЛМФ, прибалтийско-финское звено которого явно существовало ранее в языках данной территории (либо в наречиях ассимилированных русскими вепсов и карел, либо в языках каких-то близких им вымерших прибалтийско-финских племен). Приведем несколько примеров:

1. приб.-фин., ср. фин. *kaali* 'капуста', эст. *kaalik* 'брюква' > сев.-рус. *ка́лега, ка́лига* 'брюква' (Фасмер) > коми *калинга* 'то же' (КЭСК);
2. приб.-фин., ср. фин. *kouhlo* 'головки льна' > сев.-рус. *ку́глина* 'семенные коробочки льна' (Фасмер) > коми *куглин* 'то же';
3. приб.-фин., ср. фин. *kurento* 'туша убитого животного' > сев.-рус. *ку́реньга* 'то же' (Фасмер) > коми *куреньга, куриньга, курынга* 'то же' (КЭСК);
4. приб.-фин., ср. фин. *pyöhtää* 'пахтать, сбивать масло' или фин. *pahtaa* 'сгущать, давать затвердеть, застыть' > сев.-рус. *пахта́ть, пёхтать* 'сбивать масло', *пахта* 'сыворожка, остающаяся при сбивании масла' (Фасмер) > коми *пакта* 'то же, что сев.-рус. пахта';
5. приб.-фин., ср. фин. *sapsa*, эст. *saps* 'нос судна' > сев.-рус. *сопе́ц* 'руль-кормило' > коми *sopetš, süpetš, süpetš* 'то же' (КЭСК); русское слово также дает саам. *su pts* (Фасмер; SKES).

Как видно из приведенных примеров, линия последовательных заимствований *приб.-фин. > сев.-рус. > коми* в некоторых случаях имеет более сложные варианты, дополненные саамскими языковыми фактами (см.: выше карел. *kumpši*, где прибалтийско-финские данные служат также источником для саамских; сев.-рус. *сопе́ц*, дающее не только коми, но и саамское слово). Помимо этого, данный переход может сопровождаться обратными влияниями, что также осложняет картину. Так, по мнению авторов SKES, при исконном фин. *upokas* (см. выше

также вепс. **upak**, карел. **upakko**) фин. форма **orokko** 'русские сапоги' имеет русский источник.

Посредничество русского языка не является единственным путем проникновения прибалтийско-финских лексем в коми язык. Как показано этимологическими исследованиями лексики коми (см.: Лыткин 1956; 1963; Макаров 1965; Туркин 1970; 1974; 1985; Lakó 1935; Uotila 1936 и др.), некогда коми и прибалтийские финны (карелы, вепсы) имели непосредственные контакты. Количество доказанных прибалтийско-финских заимствований в коми языке, по мнению разных ученых, составляет от сорока до шестидесяти слов (Лыткин 1963, 10; Макаров 1965, 77). Часть из этих лексем мы находим также в севернорусских диалектах, однако пока трудно решить вопрос о том, являются ли русское и коми слова параллельными заимствованиями из прибалтийско-финских языков или русская лексема восходит к коми источникам, т.е. коми язык выступает как посредник. Следует также иметь в виду, что на разных территориях тождественные русские лексемы могут иметь различное происхождение: на западе региона скорее всего прибалтийско-финское, а на востоке возможно влияние коми. Кроме того, в ряде примеров до сих пор спорным является сам факт заимствования прибалтийско-финских лексических единиц в коми язык без русского посредничества. Тем не менее, несмотря на описанные моменты, наличие фонетически и семантически близких лексем в исследуемых языках является несомненным:

1. карел., фин. **alli** 'утка морянка' > коми **авлык**, **аклы**, **аллык** (КЭСК; Лыткин 1956), сев.-рус. **аллэйка**, **аклэй** (МДС; Фасмер), хотя, по мнению авторов SKES, прибалтийско-финское и коми слова могут быть возникшими самостоятельно звукоподражаниями. Кроме того, А.К.Матвеев не исключает возможности заимствования сев.-рус. **аллэйка** из прибалтийско-финского источника, а **аклэй** из коми (МДС);
2. карел. **čiiite** 'тонкая ледяная корка (на снегу)', **čiiittiä** 'затягивать льдом', 'идти (о снежной крупе)' > коми **чит** 'изморось' (КЭСК), сев.-рус. **чит** 'то же', **читать** 'моросить' (Фасмер; SKES). Помимо этого, в языке коми кроме заимствованного **чит** имеются лексемы **чита**, **читас** в том же значении и глагол **читны** 'идти измороси', которые авторы КЭСК считают принадлежащими финно-угорскому фонду, а русское **чит** возводится ими к коми источнику, на что, впрочем, есть основания, если учитывать широкое распространение русской лексемы в том числе и в восточных районах русского Севера. Коми **читайтны** 'индеветь', 'заиндеветь', по-видимому, из русского;
3. карел. **kukkel** 'льняной мешкообразный платок для защиты от комаров', вепс. **kukel** 'мужской холщовый капюшон' > коми **куколь**, **кукель**, **кукиль** 'накомарник', сев.-рус. **ку́коль** 'то же' (Туркин 1970), но при этом, по мнению А.И.Туркина, существует и возможность того, что слово попало в коми через русский язык (Туркин 1970, 157).

Кроме того, нужно также иметь в виду вероятность славянского происхождения лексемы (Фасмер);

4. карел.-люд. *sard'*, фин. *sarja* 'планка, дранка', карел.-ливв. *sarja* 'решетка на дровнях' > коми *сарья* 'большая высокая корзина из сосновой дранки', 'решетка из дранок' > сев.-рус. *сарья* 'решетка из дранок для битья шерсти' (КЭСК; Лыткин 1956); также приб.-фин. > сев.-рус. *сарга*, *сарка* 'дранка, используемая для прикрепления косы к рукояти' (возможно, при контаминации с карел. *šarga*, вепс. *sarg* 'полоска коры') > коми *сарги* 'то же' (Фасмер). В отличие от КЭСК, Фасмер сев.-рус. *сарья* также возводит напрямую к прибалтийско-финскому источнику, однако учитывая распространение слова (северо-восток Архангельской области), можно иметь в виду возможность коми влияния;
5. карел.-люд. *šakšu* 'осадок, который скопляется на дне при растапливании плохого масла' > коми *шакша* 'шкварки; мезга выжимки', сев.-рус. *шакша* 'то же' (Фасмер). Однако, по мнению О.В. Вострикова, источниками русского слова могли быть и другие финно-угорские языки, в частности, коми (Востриков 1981, 42);
6. карел. *šalkku* 'кожаная сумка, мешок' > коми *шалка* 'ранец, сумка из бересты, берестяная котомка' (КЭСК; Lakó 1935), сев.-рус. *шалгач*, *шелгач* 'то же' (Фасмер);
7. карел. *pakkul'i*, вепс. *pakkal* 'березовая губка' > коми *pakula*, сев.-рус. *пакула* 'то же' (КЭСК). По мнению Фасмера и SKES, коми слово заимствовано через посредство русского языка. В коми зафиксирована также лексема *бакула* с тем же значением, которая образовалась в результате контаминации с коми *бака*, являющимся родственным карельской и вепсской лексемам (КЭСК). В свою очередь коми *бака* > сев.-рус. *бака* 'древесная губка' (КЭСК; Фасмер);
8. вепс. *p'el'* 'косяк' > ? коми *бель* 'то же' > сев.-рус. *бель* 'то же' (КЭСК), однако здесь КЭСК учитывает также возможность родства вепсского *p'el'* и коми *бель*.

Все описанные ранее лексемы демонстрируют процессы, исходной точкой которых являлись прибалтийско-финские языки. Обратная линия распространения лексем, берущая начало в языке коми, является значительно более редкой. Исследователями прибалтийско-финско-коми контактов выделено около семи-восьми лексем, заимствованных в вепсский и карельский языки непосредственно из коми (см.: Макаров 1965; Туркин 1970; 1974; Ernits 1975); при этом ни одна из них не была параллельно заимствована в северн. русские диалекты.

Через посредство русского языка в прибалтийско-финские из коми попало также незначительное количество слов:

1. коми *кѳртым* 'аренда', *кѳртымавны*, *кѳртмавны* 'арендовать' > сев.-рус. *кѳртома*, *кѳртомить* 'то же' > вепс. *kortom*, *kortomda*, саам. *kõrtan*, *kõrtem*, *kĩ̃̊ r̃tim* 'подать' (КЭСК; Фасмер; KKLS);

2. коми *kot* 'погребальная кожаная обувь' > сев.-рус. *коты́* 'кожаные сапоги' > карел. *kotti*, вепс. *kotad*, фин. *kotta* 'вид обуви', коми *kōti* 'кожаная обувь' (КЭСК; Фасмер; SKES). Относительно происхождения ненец. *hōti*, *hūti* существуют различные гипотезы: SKES считает его заимствованием из русского, в то время как, по мнению Фасмера (со ссылкой на Вихмана), ненецкое слово является источником коми лексемы;
3. коми *lobos* 'хижина, шалаш' > сев.-рус. *ла́баз*, *ло́боз* 'охотничий шалаш, помост на деревьях в лесу' > коми *лабаз* 'помост на деревьях, откуда бьют медведей; соломенный шалаш, кладовая при охотничьей избушке' (Фасмер), вепс. *labaz* 'помост на деревьях для охоты на медведя'. Происхождение русского слова из коми *lobos*, по мнению Фасмера, только предположительно.

Все приведенные лексемы коми происхождения, входящие в ОЛМФ, являются словами широкого распространения и фиксируются далеко за пределами европейского Севера России, в частности, в языках и русских диалектах Сибири. По своему статусу эти лексемы являются специальными терминами, что и способствовало их распространению. Другие коми слова, даже заимствованные в русский язык, в прибалтийско-финские языки не попали. Все это вновь приводит к мысли о том, что ОЛМФ образовался в результате контактов коми и русских не с теми вепсами и карелами, которые ныне занимают территорию, примыкающую с запада к Архангельской и Вологодской областям, а также крайний запад Вологодской области, а с какими-то вепско-карельскими племенами, которые были впоследствии ассимилированы русскими и коми. Именно потому, даже если существовал какой-то коми-прибалтийско-финско-русский общий фонд, сложившийся на базе коми источников, мы не можем о нем судить, не располагая данными вымерших вепско-карельских диалектов. Кроме того, малочисленность единиц ОЛМФ, имеющих коми источник, объясняется доминирующим распространением лексики с запада на восток, связанным с миграционными передвижениями русского населения с европейского Севера в Сибирь.

То, что языковые контакты русских и коми происходили именно с вымершими прибалтийско-финскими народностями, а возможно, даже с народностями какого-то другого происхождения, наиболее ярко подтверждает анализ географической терминологии, входящей в ОЛМФ. Эту группу составляют около двадцати слов, при этом только половина из них возникает по наиболее частотным моделям: *приб.-фин.* > сев.-рус. > коми; *приб.-фин.* > сев.-рус., коми, например:

1. карел. *mändik*, *mändäč* 'сосняк', вепс. *mänd* 'сосняк на болоте' > сев.-рус. *мянда*, *мяндач* 'мелкий сосновый лес на болоте' (Мамонтова, Муллонен 1991; Фасмер) > коми *мандач* 'болотный сосняк' (КЭСК);

2. вепс. *laht*, карел.-олон. *lahti* 'залив' > сев.-рус. *ла́хта* > коми *лахта* 'то же' (Игушев 1972, 153);
3. карел. *taival*, *taibal*, *taibaleh* 'путь, расстояние, переход' > сев.-рус. *та́йбола*, *та́йбала* 'дальний глухой лес; нежилое пространство, путь, дорога' (Мамонтова, Муллонен 1991; Фасмер) > коми *тайбала* 'обширные лесные пространства с проложенной через них дорогой' (КЭСК);
4. приб.-фин., ср. фин. *laita*, *laitu*, *laito* 'низкий (вода, берег)', эст. *laid* 'подводная скала, риф, каменистый островок, песчаная отмель' > сев.-рус. *ла́йда* 'отмель, низина, залив' (Мамонтова, Муллонен 1991; Фасмер; SKES) > коми *лайда*, *лайдов* 'понижение, низина, продолговатая впадина';
5. приб.-фин., ср. фин. *rauna*, эст. *raun* 'лужа' > коми *паун*, *паум* 'луг, поросший мелким кустарником', сев.-рус. *па́вна* 'болотистое место, поросшее растительностью' (КЭСК; Фасмер);
6. приб.-фин., ср. фин. *sysmä* 'лесная глушь' > сев.-рус. *сузём* 'дальний глухой лес' (Фасмер) > коми *сузем* 'даль', *сузьём* 'темный дремучий лес' (КЭСК).

Как показывают три последних примера, здесь, как и ранее, современных карельских и вепсских параллелей либо нет, либо они пока не зафиксированы. Для ряда других географических терминов, входящих в ОЛМФ, прибалтийско-финские параллели оказываются настолько далекими, а мои данные настолько ненадежными по этимологии, что источник всех лексем ряда является крайне спорным и может предполагаться в каком-то неизвестном языке, ср. следующие сопоставления:

1. вепс. *k'ül'ä*, карел. *külä* 'чужая деревня', фин. *kylä* 'деревня' > ? сев.-рус. *кули́га*, имеющее спектр значений от близкого прибалтийско-финским 'починнок в лесу' до 'поляна, пожня в лесу', 'залив' (Фасмер) > < коми *кулига* 'закоулок, глухой переулок', 'небольшой покос, пожня особняком, лесная поляна', *кульбга*, *кулега* 'небольшой залив, заводь' (КЭСК; Субботина 1984, 63).
2. карел. *kuro* 'узкая лощина, ложбина между сопками', фин. *kuru* 'длинная узкая лощина, овраг, промоина; бухта' > сев.-рус. *ку́рья* 'длинный узкий речной залив' > < коми *курья* 'залив' (КЭСК; Мамонтова, Муллонен 1991; Фасмер). По мнению А.К.Матвеева и О.В.Вострикова, источником русского и коми слов является, скорее всего, какой-то неизвестный субстратный язык (Матвеев 1959, 26–27; Востриков 1981, 22–23);
3. карел. *reäddä*, фин. *räättä* 'елово-сосновый лес' > ?? сев.-рус. *ра́да* 'болотистый лес' > коми *рада* 'то же' (КЭСК);
4. вепс. *šohring* 'болотина, заболоченное место' > < сев.-рус. *шо́гра*, *со́гра* 'то же' (Мамонтова, Муллонен 1991) > < коми *согра*, *сёгра* 'то же' (КЭСК). Можно предполагать, что источниками всех приведен-

ных данных являются какие-то исчезнувшие финно-угорские диалекты, особенно если учитывать также русское и коми *чагра* 'лесная чащоба' (см. Субботина 1984, 88; Востриков 1978, 52–53; 1980, 78; 1981, 41).

Таким образом, общий фонд географической терминологии на 70 % оказывается сформировавшимся под влиянием неизвестных субстратных языков.

С точки зрения семантики, терминологическая лексика (охоты, рыболовства и т.д.) составляет основную часть ОЛМФ. Вместе с тем достаточно большое место в ОЛМФ занимает глагольная лексика с семантикой интенсивного действия. Анализ этой лексической группы показывает, что ее формируют уже выявленные пути распространения лексем:

1. карел. *jamuo* 'сшивать сети' > сев.-рус. *я́мовать* 'то же' (Фасмер) > коми *ямны* 'связывать, прикреплять сети одну к другой';
2. карел. *šingua* 'трепать, приводить в порядок (одежду, лен)', вепс. *šingotada*, *šinkta* 'щипать, пушить шерсть, мочало', 'раскидывать, ворошить, шевелить (например, сено)' > сев.-рус. *шыныгать* 'теревить, дергать лен, шерсть, волосы', 'мять, трепать' > коми *шыныгавны* 'трепать, пушить (шерсть, лен)' (КЭСК);
3. карел. *vinguo* 'визжать, скулить', вепс. *vinkta* 'визжать, пищать' > сев.-рус. *выныгать* 'кричать, визжать', коми *viŋgini* 'хныкать' (Лыткин 1963, 7–8).

Однако большая часть глагольной лексики ОЛМФ формируется другими путями. Первый из них состоит в том, что заимствуемое русское слово становится связующим звеном между родственными коми и прибалтийско-финскими оноματοпоэтическими словами, обеспечивая их нарушившееся территориальное единство. При этом источником русской лексемы могут быть как коми, так и прибалтийско-финские данные, которые практически невозможно в данном случае развести:

1. карел. *kirguo*, вепс. *kirkta* 'кричать', коми *киргыны*, *киргини* 'хрипеть', 'кричать' > сев.-рус. *ки́ркать* 'кричать'. С точки зрения фонетики в данном случае русским словам наиболее близка вепсская параллель;
2. карел. *lotškata* 'хлопать, ударять', карел.-олон. *loškoa*, *loškata* 'ударять, бить', вепс. *lotškeita*, *lotškeita* 'ударять', *loškaita* 'шелкать', коми *лотшкыны* 'хрустеть' > сев.-рус. *ло́чекать* 'бить, хлопать', 'убивать', *ло́чкнуть*, *ло́чнуть* 'стукнуть, хлопнуть, шелкнуть';
3. карел. *ňaukuo*, *ňauguo*, вепс. *ňaukta*, коми *ňavgini* 'мяукать' > сев.-рус. *ня́вгать*, *ня́вкать*, *ня́вжить* 'то же' (Фасмер). По мнению А.К.Матвеева, при предпочтительности прибалтийско-финской этимологии нельзя исключить заимствование из коми языка в восточной части региона (МДС);

4. карел. *patškata*, вепс. *patškaita* 'хлопнуть, ударить', коми *батшкбды* 'бить, ударять, колотить' > сев.-рус. *бачкать* 'колотить, бить';
5. карел. *gaukuo*, *gauguo*, *gaugoa* 'мяукать, каркать, кричать, упрашивать', коми *равгыны*, *равгини* 'кричать, реветь, рывкать, орать, рычать' > сев.-рус. *рявгать* 'мяукать'. По семантике к севернорусским ближе карельские лексемы, от которых в русских говорах также *равайдать*, *равандать* 'плакать, голосить' (Фасмер);
6. вепс. *ripitada*, карел. *ripettäi* 'моргать', коми *рипинитны* 'моргнуть, мигнуть, хлопнуть глазами', *рипкайтны*, *рипкедны* 'моргать, мигать' > сев.-рус. *рипкать*, *рипать* 'моргать, мигать' (Игушев 1972, 189; Фасмер). При этом Фасмер считает источником прибалтийско-финские, а Игушев – коми данные. Между тем, поскольку коми слово зафиксировано в ижемском и удорском диалектах, нельзя исключить возможность заимствования коми из русского или прибалтийско-финских языков;
7. карел.-олон. *gätškätä* 'трещать, хлопать; ударить, уронить', карель-люд. *gätškäitä* 'греметь, трещать', вепс. *fäčkta* 'трещать', 'грохотать (о громе)', коми *рачкбтчыны* 'ломать с треском, производить шум', *рачкисыны*, *рачкисысьныны* 'удариться, стукнуться, хлопнуться' > сев.-рус. *рячкать* 'бить, колотить, ударять', 'грохотать (о громе)', *рячкнуть*, *рячнуть* 'ударить, загрометь', 'сломать с треском'. Фасмер считает исходными прибалтийско-финские лексемы. В таком случае распространенное только в удорском диалекте коми слово может быть заимствованием из русского или прибалтийско-финских языков, в пользу чего также а в соответствии с прибалт.-фин. *ä*, сев.-рус. *а* в первом слоге;
8. вепс. *šäregata*, карел. *särišta* 'дрожать', коми *сяргыны*, *сярргыны*, *сяргини* 'трещать, стрекотать, стучать, барабанить' > сев.-рус. *сыргать* 'дрожать'. По мнению Фасмера, русское слово прибалтийско-финского происхождения наряду с *сярендать* 'то же'.

Такого рода глаголы (их перечисление можно продолжать) образуют, по мнению А.К.Матвеева, общий экспрессивный фонд, включающий русский и финские языки (см.: МДС).

Звукоизобразительный характер общего экспрессивного глагольного фонда обуславливает то, что он может складываться не только путем заимствования, но и через схождение исконных лексем различных языков, например: сев.-рус. *бүткать* 'стучать, толкать', вепс. *butkaita*, *butkat'a* 'толкать, пихать', коми *буткыны* 'бить, ударять с тяжелым глухим шумом, хлопнуть что-либо тяжелое оземь'. Русское слово, по мнению Фасмера, не может считаться заимствованным, поскольку существуют варианты *ббтать*, *ббтнуть*. В то же время вепсское слово не может восходить к русскому, оно причисляется SKES к исконному фонду. Коми слово, по-видимому, также финно-угорского происхождения.

Входящие в ОЛМФ коми слова представлены в основном ижемским и удорским диалектами, а русские лексемы тяготеют к северо-востоку и востоку Архангельской области. Этот факт позволяет предположить, что место образования коми-прибалтийско-финско-русского ОЛМФ территориально локализуется в бассейнах Пинеги и Мезени, на границе Архангельской области и современной республики Коми.

Литература

Востриков О.В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*) // *Этимология русских диалектных слов*. Свердловск, 1978. Вып. 1. С. 45–53.

Востриков О.В. Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья // *Вопросы ономастики*. Свердловск, 1980. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. С. 71–79.

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 3–45.

Дмитриева Т.Н. Лексические заимствования в русских говорах Нижнего Прииртышья: Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1981.

Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1972.

Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956. С. 179–189.

Лыткин В.И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // *Прибалтийско-финское языкознание: Труды Карельского филиала АН СССР*. М.; Л., 1963. Вып. XXXIX. С. 3–11.

Макаров Г.Н. К проблеме прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактов // *Всесоюзная конференция по финно-угроведению: (Тез. докл. и сообщ.)*, июнь 1965 г. Сыктывкар, 1965. С. 76–77.

Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959.

Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая терминология Карелии. Петрозаводск, 1991.

Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Туркин А.И. К вепско-карельским заимствованиям в коми-зырянских диалектах // *Вопросы финно-угроведения*. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 156–159.

Туркин А.И. О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // Советское финно-угроведение. 1974. № 1. С. 7–9.

Туркин А.И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 54–67.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Ernits E. Ist weps nil'ed eine Entlehnung aus der Komi-Sprache? // Советское финно-угроведение. 1975. № 4. С. 242–243.

Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1911. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, XXIX).

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, XLIV).

Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen. // Finnisch-Ugrische Forschungen, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Lakó G. Syrjänisch-wepsische Lehnbeziehungen. // Ungarische Jahrbücher. 1935. Bd. XV. Helf. 2–3. S. 318–320.

Uotila T.E. Huomautuksia Syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. Helsinki, 1936. S. 199–207.

М.Л.Гусельникова

Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов

Характерной чертой севернорусской топонимии является широкое распространение полукалек – топонимов-словосложений по модели “субстратная (нерусская) основа + русский географический термин”. Традиционно, начиная с М.Фасмера (Vasmer 1941), полукальки рассматриваются как один из типов усвоения субстратных топонимов русским языком в следующем логическом ряду: полное усвоение субстратного топонима – частичный перевод (полукалька) – полный перевод (калька). Такой подход логически правилен, т.к. современное население рассматриваемой территории русское, следовательно, мы имеем дело с результатами адаптации нерусской топонимии русскими, и в этом процессе возможен перевод “регулярной” (часто повторяющейся и потому легко выделяемой) части субстратного топонима – географического термина в постпозиции.

Массовый характер усвоения субстратной топонимии на территории русского Севера обусловил широкое распространение полукалек с переведенной регулярной частью субстратных топонимов, что, в